

Шавеко Н.А. Русская религиозная философия права в контексте защиты традиционных российских ценностей // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 22-36.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_22

УДК 342.721

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_22

Русская религиозная философия права в контексте защиты традиционных российских ценностей

Николай Александрович Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия,

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

*Поступила в редакцию 08.04.2025, поступила после рецензирования 16.05.2025,
принята к публикации 26.05.2025*

С 2010-х гг. во внутренней политике российского государства наблюдается «консервативный поворот», одним из выражений которой является политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В этом контексте актуальным является обращение к русской религиозной философии права как возможному источнику традиционных для отечественных юристов воззрений в области правового (социального) идеала. Цель статьи – рассмотреть основные характеристики русской религиозной философии права и на этой основе оценить ее применимость в современных реалиях для обоснования политики защиты традиционных ценностей и формулировки конкретного перечня таковых. При этом за основу взят подход, согласно которому теоретическое обоснование традиционных ценностей и их конкретный перечень должны соотноситься с либеральным «ядром» (первой и второй главами) Конституции России, а также с доминирующими среди современных россиян ценностями. Показано, что русская философия права (к большей части которой применимо определение «религиозная») не может служить ни теоретическим обоснованием политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, поскольку консерватизм в ней явно превалирует над либерализмом, что не соответствует текущей правовой системе России, ни источником содержания конкретных традиционных ценностей в области правового идеала, поскольку отстаивавшиеся отечественными мыслителями конструкции правового идеала не были ориентированы на интересы многонациональной и многоконфессиональной гражданской нации, вследствие чего не соответствуют установкам нынешней российской власти. С учетом изложенного сделан вывод, что традиция, на которую, по задумке нынешней российской власти, следует опереться российскому народу (многонациональному и не вполне религиозному) для укрепления граж-

© Шавеко Н.А., 2025

данского единства, должна «изобретаться» заново в рамках широких общественных дискуссий.

Ключевые слова: традиционные ценности; историческая правда; консервативный либерализм; православие; русская религиозная философия; правовой идеал

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Russian Religious Philosophy of Law in the context of Protection of Traditional Russian Values

Nikolai A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Received 08.04.2025, revised 16.05.2025, accepted 26.05.2025

Abstract. The main characteristics of Russian religious philosophy of law are examined within the context of the modern Russian state's policy aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. The policy is interpreted as a manifestation of a "conservative turn" in domestic politics while still maintaining the liberal "core" of the Constitution of the Russian Federation. The article demonstrates that Russian legal philosophy – most of which can be classified as "religious" – cannot serve as a theoretical foundation for such a policy, since conservatism clearly prevails over liberalism in it, which does not align with Russia's current legal system. Furthermore it cannot function as a source of content for specific traditional values within the legal ideal, since the conceptualizations of such ideal historically were not oriented towards the interests of a multi-national, multi-religious civil nation. As a result, they fail to comply with the guidelines of the present Russian government. Given these considerations, it can be concluded that the tradition, which the current Russian government suggests the Russian people as a diverse, multinational and not entirely religious population, should rely on to reinforce civil unity, can only be "reinvented" through broad public discussions. It cannot be simply sought in the past nor imposed "from the authorities" under the guise of "historical truth".

Keywords: traditional values; historical truth; conservative liberalism; Orthodoxy; Russian religious philosophy; legal ideal

Acknowledgements: The research was funded by a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, provided as subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Shaveko N.A. Russian Religious Philosophy of Law in the context of Protection of Traditional Russian Values, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 22-36. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_22

Введение

Русская религиозная философия права первой трети XX века – уникальный культурный феномен, подчеркивающий национальные особенности русского правосознания и его ключевые ценности, что делает актуальным обращение к данному феномену в контексте политики современного российского государства по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, посредством которой оно пытается подчеркнуть уникальность России. Вместе с тем важно иметь в виду разграничение понятий «русский» и «российский»: первое, как правило, отсылает к этнической идентичности, сформировавшейся под влиянием крещения Руси и долгое время неразрывно связывавшейся с православной верой, второе же обозначает политическую нацию («многонациональный народ»), страну или государство, и не случайно в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809¹ (далее – Указ), посвященном защите именно российских (а не русских) традиционных ценностей, упоминается многоконфессиональность Российской Федерации. Тем не менее, поскольку в том же Указе утверждается, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию (а именно оно в течение веков рассматривалось как важнейший маркер «русскости»), русская религиозная философия права, вероятно, может рассматриваться как выразитель части таких ценностей в области правового идеала. Тем более что в современной академической литературе высказываются призывы осуществить «возврат к истокам русского правосознания», заданного православной мыслью (Сугрей, Варакин 2017: 38). С учетом сказанного представляется актуальным рассмотрение воззрений русских религиозных мыслителей на правовой идеал именно в контексте политики сохранения и укрепления традиционных ценностей. Цель настоящей статьи – оценить потенциал соответствующих теоретических наработок для решения задач, стоящих перед современным российским государством.

Сразу отметим два момента. Во-первых, проблематика правового идеала рассматривается преимущественно представителями естественно-правовой теории правопонимания, но поскольку в дореволюционной России таковых было значительно больше, чем представителей конкурирующих позитивистской и социологической школ, постольку их взгляды во многом характеризуют общее состояние философии права указанного периода. Во-вторых, как верно отмечается исследователями, «воззрения практически всех представителей теории естественного права в России имеют религиозный компонент» (Жуков 2017: 7), поэтому характеристика взглядов русских религиозных мыслителей на правовой идеал – это в значительной степени характеристика общего тренда соответствующей эпохи. Оба этих момента, как представляется, подчеркивают значимость настоящего исследования.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

Мнимый консервативный либерализм русской религиозной философии права

Для начала отметим, что воззрения русских теоретиков естественного права характеризуются некоторым парадоксом. С одной стороны, в условиях абсолютизма естественно-правовая теория стала в России ядром либерального правосознания и проводником западноевропейских идей. С другой стороны, исследователи отмечают, что несмотря на огромное влияние западного неокантианства, «характерной чертой русской философии естественного права является ее религиозная ориентированность»; если быть точнее, речь идет об общей тенденции перехода представителей естественно-правовой теории на религиозные позиции (Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве и др.) (Жуков 2017: 6). В результате философия естественного права в России стала квинтэссенцией западноевропейских идей и национальных традиций, если угодно – западничества и славянофильства. Одновременно ее можно рассматривать как сплав либерализма и консерватизма, поскольку большинство теоретиков естественного права в дореволюционной России, как считается, тяготели к консервативному либерализму (Жуков 2017: 8) (во всяком случае, ценность личности и начала индивидуализма сочетались в их трудах с пиететом к православной вере и национальной культуре). Таким образом, русская религиозная философия права может рассматриваться не просто как уникальный культурный феномен, но и как пример адаптации западных ценностей на национальной почве, как свидетельство одновременно культурной близости Западу и обособленности от него.

Как представляется, сочетание либерализма и консерватизма в русской философии естественного права может быть актуально в современных условиях как указание на тот путь, которым может быть достигнуто единение различных социальных слоев в рамках приверженности общим ценностям, которые не противоречат конституционному тезису о высшей ценности прав и свобод человека, ведь именно на обеспечение такого единства и направлена политика современного российского государства в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Поэтому на первый взгляд кажется, что в условиях «консервативного поворота» в российской внутренней политике, наблюдаемого с 2010-х гг., и стремления действующей российской власти защитить традиционные ценности русская религиозная философия права представляет собой особый интерес. Особенно привлекательно в ней то, что приверженность ее представителей правам человека и признание ими высшей ценности личности, вероятно, может сочетаться со специфическим статусом первой и второй глав нынешней Конституции России, закрепляющих либеральные по сути идеалы².

² Конечно, ст. 13 Конституции гласит, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной, однако, как представляется, любая конституция имеет идеологическое измерение, поэтому тезис о недопустимости

Однако на поверку выходит, что несмотря на провозглашаемый консервативный либерализм, соотношение либеральных и консервативных начал у русских философов права зачастую оказывается не в пользу либерализма. Так, нередко авторов интересует не столько обеспечение неотчуждаемых прав личности и учреждение с этой целью соответствующего политического устройства (включающего, например, всеобщие выборы, разделение властей, конституционный контроль и т. п.), сколько создание возможностей для духовного саморазвития личности, устремления ее к Богу (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, И.А. Ильин, Е.В. Спекторский, Б.П. Вышеславцев и др.). С этой целью выстраиваются различные проекты, предусматривающие органическое единство личности, общества и государства, а вовсе не противопоставление индивидуального и коллективного, являющееся отличительной чертой либерализма.

Дело в том, что для любого либерала крайне важно обеспечить свободное развитие личности. В классическом либерализме это выражалось в требованиях формального равенства, материального неравенства и «минимального» государства. В социальном либерализме конца XIX – начала XX века государство уже наделялось полномочиями по вмешательству в рыночные механизмы с целью обеспечения «минимального равенства возможностей» и т.п. целей, нивелирующих эксцессы формального равенства. Но такое вмешательство в любом случае оправдывалось обеспечением реальной индивидуальной свободы, то есть способности избирать для себя тот или иной образ и смысл жизни, а никак не необходимостью следовать заранее данным представлениям о том, что есть достойная жизнь. Вместе с тем религиозный компонент в естественно-правовых воззрениях отечественных правоведов нередко затмевает эту первоначальную интенцию либерализма. Ведь если правильной априори является «жизнь во Христе», то права и свободы человека теряют самостоятельное значение – они нужны лишь для того, чтобы сподвигнуть человека к «правильной» жизни, и могут быть ограничены, если человек пользуется ими «неправильно».

Действительно, такие мыслители, как Н.А. Бердяев (Бердяев 1993: 91), Б.П. Вышеславцев (Вышеславцев 1994: 40-41) и С.Л. Франк (Франк 1992: 88) ставят благодать выше закона, рассматривая закон – пусть каждый и по-разному – лишь в качестве противоречивого и явно недостаточного средства достижения благодати. Е.В. Спекторский продвигает идею «воцерковления права» (Спекторский 1925), И.А. Ильин задачу права усматривает в воспитании личности и устремлении ее к Богу, стирая всякие границы между правом и религией (Ильин 1994: 231-232) и т.д. Все эти воззрения на право означают, по существу, полное отрицание либерализма, то есть тезиса о необходимости обеспечения свободного развития личности. Конечно, практически все русские философы и правоведы признавали абсолютную ценность личности, отстаивали ее свободу и саморазвитие, а потому

государственной идеологии, в совокупности с провозглашением человека, его прав и свобод высшей ценностью, фактически означает принятие либерального идеала индивидуального самоопределения.

признавали необходимым ограничение государственной власти. Однако и права человека («образа и подобия Божьего»), и ограниченность власти государства («кесарю – кесарево») обосновывались именно религиозными причинами. В результате, будучи защищенной от государства, личность в трудах этих мыслителей оказывалась подчиненной религиозным постулатам, задающим общую цель и общие ценности социального бытия. Фактически речь идет не о свободном развитии личности, а о развитии ее в соответствии с христианскими идеалами (что для нерелигиозного человека вовсе не одно и то же). В творчестве Ильина подчиненность государству и религии вообще сливаются воедино: личность хоть и наделяется данным мыслителем стандартным набором прав, но одновременно должна жертвовать своими интересами во имя интересов государства (Ильин 1994: 245); в свою очередь, сущность государства трактуется в религиозном ключе.

Представляется, что предпосылки для такого противоречивого понимания свободы личности содержатся еще в философских взглядах И. Канта и его последователя В.С. Соловьёва, оказавших огромное влияние на русских правоведов. Кант, как известно, различал легальность и моральность как характеристики соответственно внешнего поведения и внутреннего мотива (Кант 1965: 396). Однако очевидно, что кантовский категорический императив предъявляет требования не только к мотивам, но и к поведению человека; в результате чего, на наш взгляд, у кенигсбергского философа либеральный правовой идеал конкурирует с более требовательным нравственным идеалом. В свою очередь, В.С. Соловьёв понимал право как «минимум нравственности», то есть как сочетание личной свободы и общего блага (Соловьёв 1988: 450-452); и здесь предпринимается своего рода попытка согласовать требования морали и нравственности. И Кант, и Соловьёв были людьми религиозными и пытались философски обосновать христианскую этику. Проблема, как представляется, состоит в том, что необходимый для торжества христианской нравственности «минимум» (если таковой вообще существует) вовсе не обязательно совпадает с либеральным принципом максимизации равных свобод: вполне может оказаться, что нравственность подразумевает нечто большее, чем некий минимальный набор взаимных правовых ограничений.

В итоге тот проникнутый нравственным идеализмом «либерализм», которого придерживались российские философы права, находящиеся под влиянием Канта и Соловьёва, имел не так много общего с западноевропейским либерализмом. Если на Западе либеральная буржуазия отстаивала экономическую свободу, политические права, плюрализм и свободу совести, то в Российской Империи главным апологетом либерализма стала дворянская интеллигенция, выступавшая за государственную опеку над национальной промышленностью, неравные избирательные права, монархию и консерватизм, связанный с национальными и религиозными ценностями. «По сути, требования либерального дворянства сводились к тому, чтобы побудить государство проводить реформы» (Жуков 2017: 39).

По нашему мнению, некоторые особенности русской философии права вполне могут рассматриваться как «внутренняя» самокритика либерализма,

однако именно в вопросах религии и культуры она скорее порывает с либерализмом, чем поддерживает его. Развернем эту мысль подробнее.

Так, неприятие многочисленными отечественными мыслителями демократии в принципе может рассматриваться как не противоречащее либерализму, поскольку долгое время либерализм не подразумевал демократию (избирательные права были у меньшинства), и только в XX в. ситуация стала меняться. Другое дело, что критика нарождавшегося на Западе в начале XX в. сочетания либерализма и демократии с позиции сегодняшнего дня видится реакционной. Конституция России, например, провозглашает страну демократическим государством, где высшая власть принадлежит народу. И хотя демократия постоянно подвергается критике и в академической литературе, и в публичном пространстве, данные социальных опросов, регулярно проводимых с 1990-х гг., показывают, что большинство россиян поддерживает демократию³. Таким образом, и действующее законодательство, и общественное мнение признают ценность демократии, какой бы относительной она ни была.

В свою очередь, критика русскими мыслителями классического либерализма, основывающегося на принципах *laissez-faire* и государства «ночного сторожа», попытка отстаивать вместо этого сильное государство, поддерживающее национальную экономику и обеспечивающее каждому некий «материальный минимум» (Фролова 2018; Фролова 2019), также может быть рассмотрена как поддержка социальной версии либерализма, а не как отрицание либерализма. Причем эта модификация либеральных воззрений с позиций сегодняшнего дня представляется прогрессивной, а также соответствующей российской Конституции, провозглашающей социальное государство.

Но в области религии и культуры относительно большинства русских философов права нельзя сказать, что они остаются в рамках либерализма. Действительно, все они поддерживают свободу совести, но только потому, что «прийти к Богу» каждый человек должен добровольно. Свобода совести для них вовсе не означает отделение церкви от государства, а высшим идеалом при этом становится церковное братство («соборность») во имя «спасения души». Соборность, однако, вступает в противоречие с либеральной приверженностью автономии индивида, а цель спасения души – с либеральным постулатом, согласно которому каждый индивид вправе сам определять цель своей жизни. Религиозный идеал, согласно ряду мыслителей (Бердяев 1993: 107; Вышеславцев 1994: 21-25), способен оправдать, в том числе, правонарушение. Но это значит, что и права человека (основа либерального мировоззрения) оказываются под угрозой. С.Л. Франк, например, полагал, что социум должен быть построен на начале служения Богу, и жизнь человека должна быть подчинена не утверждению его собственной воли, а исполнению воли Бога. Соответственно, все права человека произ-

³ О демократии : Подходит ли России такая форма государственного управления, как демократия? 17.12.2020. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14519> (дата обращения: 08.02.2025).

водны от этой первичной обязанности, то есть они не абсолютны, а зависят от «духовного состояния» конкретного общества, его религиозной зрелости (Франк 1992: 112); при этом никаких общеобязательных моральных идеалов в духе кантовского «категорического императива» вообще не существует (Франк 2000: 207). Не менее рельефно подобные взгляды представлены и в творчестве И.А. Ильина, который формально признавал права человека, но, по-видимому, лишь постольку, поскольку они позволяют реализовать смысл жизни, который заключается в том, чтобы верить в Бога, молиться, любить и творить (Ильин 1993: 168). В научной литературе Ильин, в отличие от большинства русских правоведов, причисляется к либеральным консерваторам, а не консервативным либералам (Жуков 2017: 186-187); с нашей точки зрения, не только Ильин, но и большинство русских правоведов по указанным выше причинам не могут быть названы либералами. Более того, они принижают право как таковое, отводя справедливости (правовому идеалу) роль средства или части религиозного идеала.

Проблемы и перспективы русской религиозной философия права

Оценивая вышеприведенные характеристики русской дореволюционной философии права, приходится констатировать, что данная философия не может служить основой для определения традиционных российских духовно-нравственных ценностей и их теоретического обоснования (вопреки существующим попыткам использовать с указанными целями, например, философию И.А. Ильина). Этот вывод обусловлен сразу несколькими причинами.

Во-первых, поддержка дореволюционными правоведами монархии, критика демократии и – особенно – отведение ими ключевой роли религии вступают в противоречие с положениями первой и второй глав нынешней российской Конституции. Эти главы закрепляют статус прав и свобод человека как высшей ценности, статус народа как носителя суверенитета и единственного источника власти, а также разделение властей, идеологическое многообразие, светский характер государства, равенство религиозных объединений и их отделенность от государства, неотчуждаемость прав человека и тот факт, что именно эти права определяют смысл и содержание российских законов и государственной политики. По всей видимости, действующая Конституция России показалась бы дореволюционным правоведам чересчур либеральной. Но сегодня задача видится в том, чтобы найти такие традиционные ценности и такое их обоснование, которое не противоречило бы действующей Конституции и законодательству.

Во-вторых, если смысл защиты духовно-нравственных ценностей состоит в том, чтобы укрепить гражданское единство (о чем и говорится в приведенном выше Указе российского Президента), то проблемы возникают с тем, что в современных условиях радикальная религиозность отечественной философии естественного права (а радикальность, по нашему мнению, в ней присутствует, несмотря на весь модернизм и стремление

переосмыслить официальные церковные догматы) попросту не найдет поддержки у российских граждан. Так, данные соцопросов показывают снижение числа православных в российском обществе, возрастание числа атеистов, примерно равное число верующих и атеистов среди молодежи, причем более чем для половины россиян религия либо не играет никакой роли в жизни, либо играет не слишком важную роль⁴.

В-третьих, действующая Конституция России не отдает приоритет ни одной из религий, а также подчеркивает многонациональный характер российского народа. Кроме того, как уже было отмечено, Указ Президента России констатирует многонациональность российского народа и многоконфессиональность российского государства. Неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия в нем признаются христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии. Следовательно, православные ценности, отстаиваемые в русской философии права, надлежит трактовать лишь как часть свойственных населению России традиций.

Данное затруднение можно было бы преодолеть, показав общность множества ценностей всех вышеупомянутых религий. Такие общие ценности действительно есть, однако, как представляется, они являются скорее общечеловеческими, чем «русскими» или «православными». Но раз так, теряется сам религиозно-националистический пафос отечественного подхода к правовому идеалу. Очевидно, что русские правоведы в своем понимании общественного идеала не ставили ислам или буддизм в один ряд с православием. Стало быть, возникает противоречие, описанное нами еще во введении к данной статье, связанное с различием, с одной стороны, русских (православных), с другой стороны, российских (межкультурных и, в сущности, общечеловеческих) ценностей: после проведенного анализа выяснилось, что первые должны быть ограничены, чтобы соответствовать вторым.

К тому же, современные реалии не позволяют нам забыть о противоречиях между различными религиями. Например, в конце 2024 г. Генпрокуратура России внесла представление об устранении нарушения закона председателю Духовного управления мусульман РФ, выпустившему фетву, допускающую многоженство⁵. Это событие примечательно потому, что после 2020 г. в Конституции России особо выделены традиционные семейные ценности, полномочиями по сохранению которых наделено Правительство РФ (ст. 114). Как видим, традиционными для православных и мусульман являются совершенно разные семейные ценности.

В-четвертых, дореволюционная философия естественного права в России недостаточно внимания уделяла институциональному аспекту, край-

⁴ Религия и общество : мониторинг : За последние тридцать лет роль религии в жизни нашего общества несколько возросла, 27.07.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 08.02.2025).

⁵ Генпрокуратура внесла представление ДУМ после фетвы о многоженстве, 23.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241223/genprokuratura-1990895577.html> (дата обращения: 08.02.2025).

не важному для реализации правового идеала. Между тем, как бы ни был обоснован этот идеал, он не будет реализован на практике, если для этого не созданы надлежащие механизмы. В современных условиях, когда принцип разделения властей в Конституции России закреплен, но не обеспечен реальной системой сдержек и противовесов, что на практике выливается в доминирование Президента РФ над всеми ветвями власти (Краснов 2011), институциональный аспект по-прежнему актуален, поскольку именно он обуславливает тот факт, что традиционные ценности на данный момент устанавливаются «сверху». К сожалению, русская дореволюционная философия естественного права не выработала теоретических моделей, которые могли бы быть использованы для решения указанных проблем. В ней, напротив, сквозит презрение к вопросам формы политического устройства. Н.А. Бердяев, например, критиковал либерализм за то, что он «слишком верит в политическую форму», и считал, что «вера в конституцию – жалкая вера», а «делать себе кумира из правового государства недостойно» (Бердяев 1990: 150). На практике же дьявол кроется в мелочах, и такие «недостойные» вопросы оказываются ключевыми; невнимание к ним показывает некоторую оторванность отечественных философов от реальности.

Означает ли это, что русская религиозная философия права должна быть полностью отвергнута в свете стоящих перед современным российским государством задач? Представляется, что положительный ответ на этот вопрос был бы слишком радикальным. Следует определиться, что именно понимать под такой философией. Как было отмечено выше, религиозный компонент свойственен практически всем русским философам права дореволюционного периода и последующей эмиграции (по сути, именно это и придает им характеристику «русскости», поскольку раньше этноним русский нередко использовался в значении «православный»). Однако это не значит, что у всех них религия занимала центральное место в моделях правового идеала. На наш взгляд, перспективными с позиций сегодняшнего дня представляются такие авторы, как П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве. Некоторые из них испытали сильное влияние религии (Новгородцев, Трубецкой), некоторые – неокантианства (Новгородцев, Кистяковский, Струве), некоторые – марксизма (Кистяковский, Струве). Однако общим для всех них является приверженность либеральным идеалам, причем даже религиозность отдельных авторов не вступала в противоречие с такой приверженностью. Уже данный факт делает их философию более выигрышной в свете действующей Конституции России и секулярного сознания значительного числа российских граждан. При этом речь у данных авторов идет именно о прогрессивном социальном либерализме, что полностью соответствует характеристике современного российского государства как социального, а также устоявшимся на данный момент представлениям о допустимости вмешательства государства в экономику. Но одновременно этот либерализм можно обозначить и как консервативный, поскольку он связан с защитой определенных ценностей устоев, что коррелирует с политикой современных российских властей по защите традиционных ценностей.

В первую очередь необходимо отметить, что с точки зрения Новгородцева, Струве, Трубецкого и Кистяковского общество должно строиться на основе принципов свободного развития, самоопределения и равенства отдельных личностей. Именно человек, его права и его свобода (внутренняя и внешняя) являются для них высшим нравственным идеалом и безусловной ценностью, что соответствует положениям ст. 2 нынешней российской Конституции.

В то же время, патриотизм для данных мыслителей был не пустым словом, и каждый из них считал необходимым культивировать в человеке высокие духовные качества. Струве, например, сформулировал идею «патриотического эроса» (любовь к родине, по мысли данного автора, побуждает идти на компромиссы с другими людьми и подчиняться законам) (Струве 1999: 44). Но важно понимать, что национальная культура по Струве не может быть ничем иным, кроме продукта свободного творчества конкретных людей. Новгородцев, свою очередь, провозглашал воспитательную функцию государства (Новгородцев 1909: 307). Однако реализуется она, по мысли правоведа, не посредством внушения тех или иных правил, а благодаря совместным социальным практикам, формирующим общую культуру и приверженность этой культуре со стороны граждан. Кистяковский считал, что государство должно воспитывать в людях уважение к личности, поскольку это необходимо для торжества этических целей права – индивидуальной свободы (внутренней и внешней) и справедливости (Кистяковский 1998: 360). В итоге все названные мыслители отстаивали не столько преданность традиции, сколько преданность своему сообществу, своей стране и своему государству.

Здесь, правда, следует упомянуть эволюцию взглядов отдельных упомянутых авторов. П.И. Новгородцев, например, в серии статей послереволюционного периода «прямо обращается к православию как единственной опоре мира политики и в целом общественной жизни» (Жуков 2012: 71), причем выступает не просто за защиту православной веры, но и за связь государства и церкви, отстаивая религиозную трактовку государственного строительства. В этот период для Новгородцева православие с его идеалами соборности и всеобщей любви составляет неотъемлемую часть национального сознания; мыслитель говорит именно о русском народе и русской культуре, критикуя при этом термины «российский» и «народы России» как суррогаты этнических маркеров (Новгородцев 1926: 66). В результате Новгородцев встает в один ряд с вышеперечисленными нелиберальными религиозными мыслителями, а его философия становится менее привлекательной в контексте построения моделей гражданской интеграции современного российского общества, поскольку основана на архаичном и мифицированном правосознании (Жуков 2016: 248).

Из сказанного, как представляется, следует, что традиция, на которую, по задумке нынешней российской власти, следует опереться российскому народу (многонациональному и не столь религиозному!) для укрепления гражданского единства, должна «изобретаться» заново, а не выискиваться в прошлом. Такое «изобретение традиции» возможно, если будут со-

блюдаться положения действующей Конституции, касающиеся свободы совести, мысли и слова, идеологического и политического многообразия, поскольку данные положения создают условия для соответствующих публичных дискуссий о ценностях. Но это окажется невозможным, если власть, воспользовавшись несовершенством конституционной системы сдержек и противовесов, а также монополией на «историческую правду», будет «сверху» навязывать обществу те или иные ценности, обосновывая их как традиционные. Понятно, что никакая традиция не может взяться из ниоткуда, даже если ее «изобретают». Однако именно поэтому выше было указано на перспективность идей таких авторов, как П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве (хотя не следует забывать, что взгляды этих авторов эволюционировали и не всегда являлись одинаково привлекательными с точки зрения рассматриваемой нами проблематики).

Следует признать, что дореволюционные либералы не опирались на хоть сколько-нибудь внушительную социальную базу. Фактически они оказались между молотом и наковальней: реакционным абсолютизмом – с одной стороны, и революционным порывом народных масс (все больше проникающихся социалистическими идеями) – с другой. Либералов того времени не поддерживали ни «сверху», ни «снизу». По сути, в схожем положении находятся в современной России основывавшийся на идеях классического либерализма «дикий капитализм» 1990-х и, одновременно, левый либерализм западноевропейского образца с его вниманием к различным меньшинствам: они не находят поддержки ни во власти, ни в критически настроенных массах. Однако тот консервативный либерализм, который получил распространение в дореволюционной философии естественного права (с его ставкой на сильную власть, а также на духовно-нравственные ценности) и продемонстрировал практическую несостоятельность еще в 1917 г., когда на политику Временного правительства оказывали существенное влияние кадеты и другие либерально-ориентированные силы, на сегодняшний день парадоксальным образом как раз мог бы снискать поддержку среди широких слоев населения, поскольку все конкурирующие проекты (построение православного царства, самодержавная власть, коммунизм, «дикий капитализм» и размывающий культурные основы западный либерализм), как представляется, дискредитированы в глазах большинства граждан.

Выводы

С 2010-х гг. во внутренней российской политике наблюдается поворот к консерватизму, одним из выражений которого является возникновение в официальном дискурсе и в нормативных правовых актах понятия «традиционных ценностей», а также осуществление государством политики, направленной на их сохранение и укрепление. Вместе с тем, несмотря на поправки 2020 г., ядро действующей Конституции РФ (ее первая и вторая главы) все еще остается по существу либеральным. Теоретическим

обоснованием такого положения дел, а также источником содержания конкретных традиционных ценностей в области правового идеала могла бы стать русская философия права (к большей части которой применимо определение «религиозная»), поскольку она, как считается, развивалась в русле консервативного либерализма. Однако анализ показал, что консерватизм в ней явно превалирует над либерализмом, что не соответствует текущей правовой системе России. В свою очередь, отстаивавшиеся отечественными мыслителями конструкции правового идеала не были ориентированы на интересы многонациональной и многоконфессиональной гражданской нации, вследствие чего они не соответствуют установкам нынешней российской власти. Среди ведущих философов права первой трети XX века консервативными либералами в действительности были лишь несколько авторов. С учетом изложенного, традиция, на которую, по задумке нынешней российской власти, следует опереться российскому народу (многонациональному и не очень-то религиозному) для укрепления гражданского единства, должна скорее «изобретаться» заново в рамках широких общественных дискуссий, чем выискиваться в прошлом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бердяев Н.А. 1990. Философия неравенства. Москва : ИМА-пресс. 285 с.
- Бердяев Н.А. 1993. О назначении человека. Москва : Республика. 382 с.
- Вышеславцев Б.П. 1994. Этика преображенного Эроса. Москва : Республика. 368 с.
- Жуков В.Н. 2012. Философия права П.И. Новгородцева как консервативно-религиозная утопия // Государство и право. № 2. С. 68–77.
- Жуков В.Н. 2016. Консервативно-религиозный идеал русского либерала: П.И. Новгородцев // Философия политики и права. № 7. С. 246–267.
- Жуков В.Н. 2017. Русская философия права : от рационализма к мистицизму. Москва : Проспект. 351 с.
- Ильин И.А. 1993. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. Москва : Республика. С. 134–288.
- Ильин И.А. 1994. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. Москва : Рус. книга. 620 с.
- Кант И. 1965. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения : в 6 т. Москва : Мысль. Т. 4, ч. 1. С. 209–310.
- Кистяковский Б.А. 1998. Философия и социология права. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та. 798 с.
- Краснов М.А. 2011. Законодательно закрепленные полномочия президента России: необходимость или сервиллизм? // Сравнительное конституционное обозрение. № 4(83). С. 91–103.
- Новгородцев П.И. 1909. Введение в философию права : Кризис современного правосознания. Москва : Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко. 393 с.
- Новгородцев П.И. 1926. Восстановление святынь // Путь : Орган русской религиозной мысли. № 4. С. 52–71.
- Соловьёв В.С. 1988. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 47–580.
- Спекторский Е.В. 1925. Христианство и культура. Прага : Пламя. 308 с.
- Струве П.Б. 1999. Избранные сочинения. Москва : Росспэн. 470 с.

Сугрей Л.А., Варакин А.С. 2017. К вопросу о традиционности русского правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2(74). С. 37–43.

Франк С.Л. 1992. Духовные основы общества. Москва : Республика. 510 с.

Франк С.Л. 2000. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. Минск : Харвест ; Москва : АСТ. С. 145–244.

Фролова Е.А. 2018. Идеи социального и правового государства в философии права П. И. Новгородцева // Государство и право. № 7. С. 57–65. DOI 10.31857/S013207690000214-7

Фролова Е.А. 2019. Б.А. Кистяковский как методолог, философ и социолог права // Государство и право. № 3. С. 149–158. DOI 10.31857/S013207690004441-7

References

Berdyayev N.A. *About the Appointment of a Person*, Moscow, Respublika, 1993, 382 p. (in Russ.).

Berdyayev N.A. *The Philosophy of Inequality*, Moscow, IMA-press, 1990, 285 p. (in Russ.).

Frank S.L. *The Downfall of Idols*, S.L. Frank, *Sochineniya*, Minsk, Kharvest, Moscow, AST, 2000, pp. 145–244. (in Russ.).

Frank S.L. *The Spiritual Foundations of Society*, Moscow, Respublika, 1992, 510 p. (in Russ.).

Frolova E. B.A. Kistyakovsky as a Methodologist, Philosopher and Sociologist of Law, *State and Law*, 2019, no. 3, pp. 149–158. <https://doi.org/10.31857/S013207690004441-7> (in Russ.).

Frolova E. The Idea of Social and Legal State in the Philosophy of Law P.I. Novgorodtsev, *State and Law*, 2018, no. 7, pp. 57–65. <https://doi.org/10.31857/S013207690000214-7> (in Russ.).

Ilyin I.A. 1994. *Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 4* [Collected Works, in 10 vols., vol. 4], Moscow, Russkaya kniga, 620 p. (in Russ.).

Ilyin I.A. *The Path of Spiritual Renewal*, I.A. Il'in, *Put' k ochevidnosti*, Moscow, Respublika, 1993, pp. 134–288. (in Russ.).

Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals, *I. Kant, Sochineniya : v 6 t.*, Moscow, Mysl', 1965, vol. 4, pt. 1, pp. 209–310. (in Russ.).

Kistyakovsky B.A. *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and Sociology of Law], St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo humanitarnogo instituta, 1998, 798 p. (in Russ.).

Krasnov M. Legislative Authorities of the President of the Russian Federation: Necessity or Servility? *Comparative Constitutional Review*, 2011, no. 4(83), pp. 91–103. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Introduction to the Philosophy of Law: The Crisis of Modern Legal Consciousness*, Moscow, Tipo-litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko, 1909, 393 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Vosstanovlenie svyatyn'* [Restoration of Shrines], *Put' : Organ russkoy religioznoy mysli*, 1926, no. 4, pp. 52–71. (in Russ.).

Solovyov V.S. The Justification of the Good, *V.S. Solov'ev, Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1988, vol. 1, pp. 47–580. (in Russ.).

Spektorsky E.V. *Christianity and Culture*, Praga, Plamya, 1925, 308 p. (in Russ.).

Struve P.B. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], Moscow, Rosspen, 1999, 470 p. (in Russ.).

Sugrey L.A., Varakin A.S. The Question of the Traditionality of Russian Legal Consciousness, *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2(74), pp. 37–43. (in Russ.).

Vysheslavitsev B.P. *The Ethics of Eros Transfigured*, Moscow, Respublika, 1994, 368 p. (in Russ.).

Zhukov V.N. Conservative Religious Ideal of the Russian Liberal: P.I. Novgorodtsev, *Filosofiya politiki i prava*, 2016, no. 7, pp. 246–267. (in Russ.).

Zhukov V.N. *Filosofiya prava P.I. Novgorodtseva kak konservativno-religioznaya utopiya* [P.I. Novgorodtsev's Philosophy of Law as a Conservative-Religious Utopia], *State and Law*, 2012, no. 2, pp. 68–77. (in Russ.).

Zhukov V.N. *Russkaya filosofiya prava : ot ratsionalizma k mistitsizmu* [Russian Philosophy of Law: from Rationalism to Mysticism], Moscow, Prospekt, 2017, 351 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-5481-7425;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-код: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko

Candidate of Law Sciences, Senior researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-5481-7425;
ResearcherID: K-4637-2018;
SPIN-code: 3004-0891;
E-mail: shavekonikolai@gmail.com